
АРТЁМ ДРАБКИН

ТОЛЬКО БЕСТСЕЛЛЕРЫ!

АРТЁМ ДРАБКИН

МЫ ДРАЛИСЬ
НА
БОМБАРДИРОВЩИКАХ

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ

Москва
2015

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д72

По материалам сайта www.iremember.ru

Драбкин, Артем Владимирович.
Д72 Мы дрались на бомбардировщиках. Три бестселлера одним томом / Артем Драбкин. — Москва : Издательство «Э» : Яуза, 2015. — 704 с. — (Артем Драбкин. Только бестселлеры!).

ISBN 978-5-699-82728-2

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Уникальное собрание воспоминаний летчиков Великой Отечественной, воевавших практически на всех типах бомбардировщиков, которые состояли на вооружении ВВС Красной Армии, — Пе-2 и Пе-8, СБ и ДБ-3, Ил-4 и Ту-2, Р-5 и По-2, А-20 и Б-25.

Пилоты и штурманы, бортинженеры и стрелки-радисты, они наносили удары по врагу днем и ночью, с пикирования, с «горизонтали» и на бреющем, работали по переднему краю и вражеским столицам, стратегическим объектам и коммуникациям противника, аэродромам и кораблям. Они прорывались сквозь зенитный огонь и отражали атаки немецких истребителей, не раз возвращались из боевых вылетов «на честном слове и на одном крыле», горели в подбитых бомбардировщиках и неделями выбирались к своим с вражеской территории после вынужденных посадок...

Обо все этом — о потерях и победах, о кровавом ратном труде и фронтовом братстве — они рассказали в интервью, собранных в данной книге.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82728-2

© Драбкин А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Э», 2015

**Я дрался
на Пе-2**

МАЛЮТИНА

Елена Мироновна

☆ Я родилась в Петрограде, в канун Октябрьской революции. Мать у меня домохозяйка, отец — служащий. Жили мы очень хорошо! Нам тогда казалось, что мы в раю! Все жили одинаково, ни у кого отдельных квартир не было. У нас была семикомнатная квартира на Невском, недалеко от Московского вокзала. Пятиэтажный дом без лифта. В ней проживало 35 человек. У нашей семьи, состоявшей из шести детей и родителей, была одна 45-метровая комната. Огромная кухня. На ней, особенно в праздники, дровяная плита 3—4 дня топилась с утра и до вечера без перерыва — пекли пироги. Родители мои умерли в блокаду, а три сестры и два брата ушли на фронт, и все вернулись.

В классе училось восемнадцать человек: десять девочек и восемь мальчиков. Мы так любили страну! Как мы хотели быть в армии! Как мы хотели защищать нашу святую Родину! Тогда был брошен клич: «Молодежь — на самолеты!» Честно сказать, я хотела летать и, более того, другой профессии для себя не представляла. Сначала закончила планерную школу — летали на планерах, запускавшихся с резинового

амортизатора. Подлетали на 5 метров от земли, но казалось, что летали. В 1936 году окончила десятилетку и одновременно Ленинградский аэроклуб. Поступила в Батайское летное училище. Набор в отдельную женскую эскадрилью был всего 72 человека. Учились мы три года. Жили в огромной казарме, разделенной колоннами на две половины, а занимались в учебном корпусе. Чему учили? Первый год только теоретические занятия. Знакомились с материальной частью, теорией полета, работой с радиостанцией на ключе, были общеобразовательные предметы, например история ВКП(б). На второй год, летом, у нас начались полеты, естественно, на альма-матер всех предвоенных летчиков — на У-2. Только на третий год нас выпустили самостоятельно. Тогда же мы прошли программу пилотажа. Инструктором в училище у меня была Губина Люба, которая впоследствии воевала командиром звена 125-го ГвБАП. Когда я пришла в полк, ее уже не было — погибла под Ельней. При подходе к цели у нее был поврежден мотор. Сопровождение ушло с основной массой самолетов, а ее звено отстало. На них напали истребители. Экипаж Ани Язовской погиб — самолет с пикирования врезался в землю. Видимо, был убит летчик. Экипаж Иры Осадзе выпрыгнул. Стрелок при приземлении сломал позвоночник, умер в госпитале. А Ира и штурман Валя Волкова после госпиталя вернулись в полк. Люба Губина дала команду покинуть самолет. Стрелок-радист выбросился, а штурман Катя Батухтина зацепилась лямкой парашюта за турель пулемета. Она увидела, что Катя висит, «дала ногу», и Катю сорвало потоком, а у нее самой уже не было высоты...

Окончив училище на У-2, я была направлена в уральскую авиагруппу, в Казань, в отряд спецприменения. Аэродром располагался километрах в трех от Казани — чистое поле, двухэтажный дом, в котором жил летный состав. Возили почту, рожениц из деревень в Казань, химобработкой занимались — в общем, спецприменение. «Мимино» смотрел? Ну вот и мы тоже коз возили. Аэродромы были грунтовые, небольшие площадки, все оборудование которых

составлял висевший у края конус, показывавший направление ветра.

Зарплата у меня, летчика третьего класса, была маленькая — 400 рублей. А ведь мне приходилось поддерживать родителей в Ленинграде. Правда, нас кормили и одевали.

Проработала два года и в 1940 году получила направление в Магнитогорск летчиком-инструктором 102-й учебной эскадрильи ГВФ. В отряде было 18 мужчин и я одна. Летчиков разместили в двух километрах от аэродрома у рабочих, которые имели собственные дома, слегка их «уплотнив», как тогда говорили. Курсантами были мужчины 19—20 лет из армии, годные по здоровью к летной работе. В моей первой группе было семь человек. Летом мы выезжали в лагеря, недалеко от Магнитогорска — до города можно было пешком дойти. Условия были тяжелые. Аэродром — голое поле. Помню, курсанты спрашивали у командира звена: «Товарищ командир, почему наш инструктор не ест, не пьет, вообще никуда не ходит?!» — «Вы это у нее спросите, почему так».

И сейчас-то женщине утвердиться в коллективе сложно, а в то время летали в основном мужчины. Когда я только прибыла, командир отряда, красавец, хороший летчик, сказал: «Женщины у меня работать не будут». Он со мной слетал и в пилотское свидетельство написал: «Техника пилотирования неудовлетворительная. Инструктором быть не может». Можете себе представить?! И рядом никого из близких, кому можно было поплакаться в жилетку! Как я переживала! Вскоре приехал гражданский летчик Уткин проверять технику пилотирования. Со мной слетал: «Не волнуйся, Лена, будешь летать и будешь работать как маленькая. А то, что он не хочет, так это его личное дело». Меня оставили. Потом мы с командиром были в очень хороших отношениях. Я понимаю, почему он сначала не хотел работать с женщинами. Мне же нужно было ставить отдельную палатку. При мне они не могли ругаться. Много ограничений накладывает присутствие женщины. Да и, по правде говоря, авиация для женщин редко является жизненной профессией. В основном для одиноких, а замуж-

ние, да еще когда ребенок появится, уходят. Мне было 29 лет, я еще была в добром здоровье, когда демобилизовалась по беременности. А так, если бы не ребенок, могла бы еще летать и летать. Конечно, моя мечта исполнилась! Все эти 13 лет, которые я была в авиации, я была очень счастливой женщиной...

22 июня 1941 года — выходной день, воскресенье. Мы были в городе, шли в лагерь. Навстречу нам идет женщина и говорит, что началась война. Мы ей не поверили, но в лагере нам эту информацию подтвердили. Более того, сказали, что аэроклуб переходит на военное положение, никаких увольнительных из лагеря, курсантов будем готовить по ускоренной программе. К августу 1942-го у меня курсанты второй группы вылетели самостоятельно, а я была награждена знаком «Отличник Аэрофлота».

В конце 1942 года на меня пришел вызов на переучивание в ЗАП в Йошкар-Олу. Зимой занимались теорией, изучали материальную часть. Учились ходить строем, стрелять по конусу. Приняли присягу, и нам присвоили звание «младший лейтенант». Следующее звание нам присвоили только в 1944 году! Дело было так. Меня от полка командировали на совещание фронтовиков. На нем присутствовал Баграмян, командующий Первым Прибалтийским фронтом. После моего выступления командующий подошел ко мне: «Я даже не знал, что у меня во фронте есть женское подразделение». Спрашивает, какие у нас есть пожелания. Говорю: «У нас по полторы-две тысячи часов налета, а мы все младшими лейтенантами ходим, а мужчины из училищ с 50 часами — они лейтенанты». Вскоре по возвращении в полк пришел приказ, и нам сразу «старших лейтенантов» дали.

С весны начали летать сначала на Р-5, потом — СБ. Дали десяток провозных полетов на спарке Пе-2, и мы вылетели самостоятельно. Ходили в зону, на полигон. Бомбили с пикирования, а вот полк бомбил только с горизонтального полета. Всего мы налетали часов 30. Переучивание давалось легко, поскольку у меня уже было полторы тысячи часов налета. Полторы тысячи — это полторы тысячи! Хотя и

на У-2 по коробочке. А в нашей девятке были летчицы, летавшие по трассам. Такой пример. Вместе с нами переучивались мужчины. А какой у них налет после училища? Пятьдесят часов! Зимой полосу от снега расчищали бульдозерами. Вокруг полосы — валы. Тут заходить точно надо: чуть в сторону — и капут. У мужчин были такие случаи, а у нас по вине летного состава летных происшествий не было. Так что лучший мужчина — это женщина! Мужчины — разгильдяи. Первый летчик рванул к солнцу, а по кругу не полетал. Конец его знаешь?

Жили мы в землянках, спали на двухэтажных нарах. Столовая — огромный ангар, в ней столы длиной в полкилометра. Первое, второе, третье — все из одной и той же тарелки. Питание было сам понимаешь какое... Нам выдали теплое мужское белье: байковые кальсоны, рубахи. Стоило оно 400 рублей. И килограмм меда стоил 400 рублей. Променили это теплое белье... Ходили в х/б штанишках зимой. А сколько снега мы перекидали?! Я говорила, что дороги прочищали бульдозерами, а чтобы к самолету подойти, надо вручную чистить. Валы вокруг него были как капониры — высотой с самолет. Короче, в марте 1944 года мы, девять женских экипажей, полетели на фронт в 587-й БАП.

Свой первый боевой вылет я плохо помню, потому что было колоссальное напряжение. Нам сказали: «Ни о чем не думайте, штурмана будут бросать бомбы по ведущему. Ваша задача — удержаться в строю». Поэтому думала только о том, как удержаться за ведущим и не попасть в спутную струю. Надо сказать, что женщины, как овцы, плотно жались друг к дружке и строем хорошо ходили. Поэтому нас истребители любили прикрывать.

Что сказать про «пешку»? Сложный самолет. Планер был отличный, но моторы для него слабоваты. Тем не менее хорошие экипажи на новых самолетах брали до 1200 килограммов бомб. Первой начала брать командир эскадрильи Федутенко, а за ней и мы подтянулись. Отрывалась она тяжело. На взлете не хватало сил поднять хвост. Поэтому штурман давила на плечи, помогая отжать штурвал. Ка-

бина была приспособлена под мужчину средней комплекции. Поэтому мне, например, техники подкладывали подушку на сиденье. Что касается пилотирования, то у нас проблем не было — все летчицы были с огромным опытом, и то, что ты мне говоришь про «прогрессирующий козел» и падения при полете по коробочке, я первый раз слышу. Я никогда с «козлом» не садилась. У нас была одна летчица послабее, поэтому она дважды выкатывалась за аэродром. Но, славу богу, экипаж не страдал, страдала машина. Но что машина? Железка! Ее восстанавливали.

Помню, у Кати Федотовой, командира звена, отлично-го летчика, на взлете отказал мотор. Они развернулись и с бомбами садились на брюхо. На стоянке все замерли — ждут взрыва. Облако пыли — и тишина. Потом Катя рассказывала, что ее стрелок-радист озорная Тоська Хохлова вылезла на фюзеляж, достала пудреницу: «Катя, как же ты напылила!» Потом эта история ходила, как анекдот.

Летом 1944 года меня тяжело ранило. Вылет у нас был на бомбежку крупного железнодорожного узла. Погода была очень плохая: низкая облачность, дождь. Вдруг в два часа дня — ракета. Полетели. Первая девятка отбомбилась, а когда наша девятка зашла, то цель закрылась облаком. Пришлось заходить еще раз. А ведь бомбардировщик на боевом курсе беззащитен — нельзя менять ни направление, ни скорость, ни высоту, иначе бомбы не попадут в цель. Если мы не привезем подтверждения, то вылет не засчитывался. Это ЧП. Слава богу, у нас такого не было. Когда мы пошли на второй заход, мне стало дурно. Я говорю штурману Лене Юшенковой: «Похоже, что меня ранило». — «Держись, сейчас будем сбрасывать бомбы». Бомбы сбросили. Я чувствую, что у меня кружится голова. Вижу, что группа отходит. Лена мне дала понюхать нашатырь — стало полегче. Внизу большой лесной массив — сесть негде. Надо дотянуть до аэродрома истребителей. Зашли на аэродром истребителей. Уже я снижаюсь, выпустила щитки, шасси. А на полосу выруливает самолет! На второй круг! А на «пешке» это и так-то очень сложно, потому что когда выпущены щитки и шасси, то большая нагрузка на

штурвал. Зашли, сели. Я только помню, что поднялась с сиденья и потеряла сознание. Очнулась я уже в полевом госпитале под вечер. Вижу большой двор, застеленный соломой. В операционной — гильзы от снарядов вместо ламп. Стол. Операция прошла успешно. В одиннадцати местах был поврежден тонкий и в четырех толстый кишечник. Здоровое помещение, где лежали ранбольные. Мне отгородили простыней закуток. Мат! Короче, опять в мужскую компанию попала. Потом меня перевезли в стационарный госпиталь — бывшие казармы Сикорского на территории Польши. Там я начала ходить. Долечивалась уже в Москве. Оттуда меня послали в санаторий для летного состава в Востряково на две недели с последующим переосвидетельствованием. Я там пробыла четыре дня, никакого переосвидетельствования не было. Приехала на Центральный аэродром. Ребята летели до Вильно. А оттуда до полка добралась на попутках.

Девчонки мне потом рассказывали, что на тот же аэродром истребителей приземлился летчик из братского 124-го полка на подбитом самолете. Он забрал мой исправный и с моим экипажем полетел в полк. Когда самолет заходил на посадку, все так обрадовались. Потому что полк с вылета вернулся, они видели, как отстал самолет, но судьба его была не известна. А тут видят, что он идет на посадку. Все закричали, стали бросать шапки, а вылез мужчина и мой экипаж...

— *Кабина удобная?*

— Нормальная. Муж у меня высокий. Он в соседнем полку летал штурманом. Так ему приходилось за спинкой летчика стоять на коленях, а когда подходили к линии фронта, то около пулемета вставал в рост. Откидное сиденье неудобное, зимой в меховом комбинезоне тесно. Привязные ремни? Нет, не пользовались. Пулеметами, установленными вперед, ни разу не пользовались. А вот штурман и стрелок-радист часто расходовали свой боекомплект.

— *Экипаж был постоянный?*

— Со стрелком мы расстались. Потом у меня был Степа Цымбал, здоровый хохол. Он все просил, чтобы я в нагрудный карман положила листочек с молитвой: «Командир, возьми. Пусть тебя охраняет». Летчики народ суеверный. В полку не было самолета под номером «13». Старались летать только на своем самолете. Бывает, что самолет неисправен, на другой старались не пересаживаться. Сложно было летать после ранения. Первые вылеты мне казалось, что все зенитки стреляют только по мне. Потом опять привыкла. Конец войны меня застал в Восточной Пруссии. Мы на Данциг летали, на Пилау, Мемель. Это уже было как прогулка. Потому что истребителей сопровождения было почти столько же, сколько бомбардировщиков. Опасность была только от зенитного огня. Всего я совершила 79 боевых вылетов. К концу войны стала старшим летчиком. Такой небольшой рост по службе объясняется тем, что полк за время войны потерял всего двадцать восемь человек. Чем это объясняется? Не знаю. Не могу сказать, чтобы нас берегли. Мы летали столько же, сколько и мужчины из соседних полков дивизии. Помню, был налет на Ригу. Наш полк шел последним. А первым — 124-й. У них в этом вылете 72 человека погибло. Почти весь полк! У нас раненых было человек 12. Но все вернулись, кроме экипажа Карасевой, который оказался в плену. Да... вот плена очень боялись... и боялись остаться калекой, слепой, хромой. Если пуля, то чтоб насмерть.

— *Потери были в основном от зениток или от истребителей?*

— В основном от зениток. Практически всегда было истребительное прикрытие. Первое время послабее, а с конца 44-го очень мощное.

— *Женский коллектив — это специфическая среда...*

— Где три, там базар, а где больше — ярмарка. Все мы люди. Тем более женский коллектив, который вместе спит, вме-

сте ест, вместе работает. Конечно, эмоциональная нагрузка большая. У нашей комэски был хороший характер. У нас был экипаж Кривоноговой. И еще экипаж славной дочери грузинского народа. Летала слабовато, а гонора было! Надя была не злопамятная, она не помнила обид, которые ей наносили, и потом, ее спасал сон. Как свободная минута — она спит под плоскостью, а потом встает, вроде ничего не было. Говорит: «То, что не помню, того не было». Всяко, конечно, было... но таких серьезных противоречий, чтобы мы ненавидели друг друга, не возникало. Все-таки мы работали, если бы было много свободного времени, наверное, было бы по-другому. Даже тогда, когда не было полетов — погоды нет или аэродром раскис, старались не сидеть без дела. Штурмана учили районы до мелочей, летчики тоже занимались. Потом, очень хорошая была самодеятельность. А вот танцев не было!

Жили поэскадрильно, но стрелки жили отдельно, хотя весь летный состав питался в одной столовой. Кормили очень хорошо, но все равно сгущенку из НЗ всю съедали — сладкого хотелось. И когда приходила проверяющая комиссия, доставалось экипажам капитально. После вылетов давали 100 граммов. Я не пила — отдавала стрелкам-мужчинам. Курило в полку всего пять женщин: Тимофеева, Федутенко, Галя Маркова... Им персонально выдавали папиросы.

Под конец войны нас стали хорошо одевать. Брюки, гимнастерки шили на каждую индивидуально. Летали в кирзовых сапогах, а хромовые были «на выход». На нас даже были пошиты платья цвета хаки. Нижнее белье шили себе самостоятельно, из портянок.

Косметикой мы практически не пользовались. А вот зубы чистили. Нам давали и щетки, и порошок. Каждую неделю ходили в баню. На вшивость проверяли только мужиков, а нас нет. Был, правда, такой случай. Единственный. Тамара Маслова у нас летчиком была, мы спали с ней на втором этаже на нарах. Она говорит: «Слушай, что-то у меня голова чешется». Стали чесать — вши. «Наградила она меня». На следующий день она полетела на спарке с инструктором, на посадке сошли с полосы и скапотировали. Ее придавило, но все живы. Двое суток отлежала в госпитале. Я к ней туда